

В АММОНИТОВОМ ОБРАГЕ

В среду был короткий рабочий день, а в четверг выходной. Все студенты и преподаватели после обеда уезжали отдыхать на море. На базе оставались мы с Ником и пес Азимут, недавно прибившийся к нашему лагерю. С неделю пес скромно лежал у входа на базу, опасаясь, что его выгонят. Но потом освоился. Он умудрился запомнить около двухсот человек преподавателей и студентов, и когда они входили на территорию лагеря, не обращал на них ровно никакого внимания. Но как только в лагерь заходил посторонний, Азимут готов был разорвать его на куски.

Ник собрался в овраг за аммонитами. На море хотелось страшно, но у меня даже в мыслях не было оставить Ника одного, и я последовал за ним. Мы решили закончить маршрут, который проспали.

Первое обнажение располагалось у подножия куэсты – обрывистой, заросшей кустарником горы. В скальном уступе было хорошо видно переслаивание горизонтальных пластов известняков и мергелей. Ник склонился над пикетажкой и с видом мыслителя морщил лоб.

– Не знаю, как начать, – признался он.

– Пиши, как учили классики: «камень дикий, лежит всяко, но по-разному!»

Ник собрался зарисовать обнажение. Я дал ему рулетку с мерной лентой. Эту рулетку нам со скандалом выдала лаборантка Нинель, только после вмешательства самого профессора, который был руководителем крымской геологической практики. Нас в группе было двое, а рулетка выдавалась на бригаду из четырех человек. У Нинель оставалась только одна запасная, совершенно новенькая рулетка. В результате ребятам достались старые замызганные рулетки, где с трудом можно было разобрать цифры и черточки, а нам новая. Правда, Нинель успела прошипеть:

«Не дай вам бог ее потерять или испортить!»

Мы растянули оранжевую мерную ленту сверху вниз. Ник раскрыл полевой дневник. Я направился вдоль склона искать другие обнажения. В кустах около дороги лежало литое чугунное колесо с гладким широким ободом и толстыми спицами. Оно вросло в почву и мне с трудом удалось вытащить колесо, поставить на ребро и выкатить к обнажению.

– Маховик от какой-то старой машины, – определил Ник, рассматривая колесо.

– Идея! Давай закатим это колесо на гору и оттуда спустим? Вот грохоту будет.

Было видно, что Нику сразу пришлось по душе такое заманчивое предложение, но он с каменным лицом командора в категоричной форме отрезал:

– Некогда. Работать надо, – и склонился над пикетажкой.

– Послушай, – заныл я, – сегодня выходной, на море мы не поехали, неужели откажем себе в маленьком невинном удовольствии? Да у нас еще целый день впереди. А? Ник!

Но если уж Ник заупрямился и сказал «нет», то это «нет» на все девяносто девять процентов.

Через полчаса, обливаясь потом на дикой жаре и надрываясь от натуги, мы закатали колесо на плоскую вершину горы. Подставив ветру свои обнаженные тела, присели на камень.

У самого подножия горы проходила заросшая травой грунтовая дорога, а за ней поляна, на которой пасся крутолобый бычок.

– Левее надо пускать, вон на ту поляну, – Ник показал рукой направление, – а то в корову попадем.

Мы развернули колесо и приготовились.

– А вдруг сейчас кто-нибудь идет по дороге? – забеспокоился Ник.
– А из кустов чугунное колесо. Так и убить можно.

– Тогда давай кричать, – предложил я.

Пару минут мы орали на разные голоса, предупреждая возможных путников об опасности.

– Хватит! – махнул рукой Ник. – Да перестань ты вопить. Если кто и пойдет по дороге, то все равно не поймет, с какой радости мы тут на горе кричим. Сделаем так – я спущусь на дорогу, посмотрю, нет ли кого поблизости, и дам тебе знак, а ты пускай колесо.

Ник спустился вниз, вышел на поляну, на которой недавно пасся бычок, и махнул рукой. Я толкнул колесо, и оно стремительно ринулось вниз. Для меня удовольствие было действительно маленькое, через несколько секунд колесо исчезло из поля зрения, врезавшись в низкий колючий кустарник. Я сообразил, что теперь увижу колесо, только когда оно выкатится на поляну. Наблюдая за Ником, я попытался определить, где появится колесо. Ник вначале смотрел прямо на меня и, следовательно, колесо катилось точно на него. Но вдруг он задергался, развернулся и зигзагами, как заяц, помчался к лесу. Из кустов выскочило колесо и, вихляя из стороны в сторону, последовало за Ником как самонаводящаяся ракета за самолетом: Ник вправо – колесо вправо, Ник влево – колесо влево. Наконец, колесо сделало круг и завалилось на бок.

Ник остановился, посмотрел на меня, зачем-то погрозил кулаком и очень самокритично покрутил пальцем у своего виска. Я спустился вниз.

– Что, получил маленькое удовольствие? – съязвил Ник.

– Почему же маленькое? Ты отлично смотрелся.

Ник промолчал. Мы вернулись к обнажению, где оставались наши вещи, и обомлели. Под обрывом стоял бычок с полянки, а изо рта у него свисал кусок оранжевой мерной ленты, с круглой пластмассовой коробкой на конце. Бычок неторопливо, но с аппетитом жевал нашу драгоценную рулетку. Получалось, что он съел около восьми метров ленты.

– О небо! – горестно воскликнул Ник. – За что ты послало мне такого напарника? Ну, теперь Нинель сожрет нас самих за эту рулетку!

Бычок оглянулся на вопль Ника и, не переставая жевать, самодовольно уставился на нас.

«Видали, что нашел? Вку-у-у-усно!» – было написано на его ехидной морде.

Рассвирепевший Ник, как тореадор, бросился на быка, но тот сообразил, что к нему бегут не с поцелуями, и, резво взбрыкнув ногами, припустил на родную поляну. На конце длинной веревки за ним волочился кол. Уже на поляне Ник ухватился за кол и бычок стал резво бегать на веревке по кругу.

– Хватай его! – азартно кричал Ник.

– Какой ты умный! – я старался держаться за спиной Ника, так как детства побаивался коров. – Сам хватай!

Упираясь ногами в землю, Ник выбирал на себя веревку. Радиус кругов, по которым носился бычок, уменьшился. Животное начало злиться и, казалось, было готово в любой момент развернуться и броситься на нас с рогами на перевес.

Мягкая больничная койка или скорое возвращение в Ленинград в блестящем цинковом гробу не стояли в моих ближайших творческих планах, и я был готов покинуть замкнутый круг. К счастью, Ник не удержал веревку и бык, задрвав хвост, поскакал в кусты. Но там кол зацепился за корни, бычок

остановился, и мы прилепились к нему с боков. Я прижимал животное боком к дереву, а Ник, мужественно зайдя спереди, вытаскивал ленту у него изо рта.

– Крепче держи! – командовал Ник. – И дави на живот!

Наконец, мы вытащили ленту. Промыв ее в луже Ник установил, что она безнадежно испорчена – не было видно ни цифр, ни черточек. Он скрутил рулетку и так свирепо посмотрел на меня, как будто это я жевал ленту.

– На, – Ник протянул мне футляр, – тебе отдавать Нинель. У тебя уже есть опыт с аммонитами мозги пудрить, – упредил он мои возражения, – а цифры и черточки нарисуешь, ты же художник.

Я так обиделся на Ника, что полчаса с ним не разговаривал. В конце практики мне действительно пришлось реставрировать ленту и рисовать цифры и черточки. Нинель даже ничего не заметила.

Наконец, мы добрались до аммонитового оврага и полезли вверх по крутому склону – Ник впереди, я чуть ниже. По ходу движения Ник колотил молотком по плиткам мергеля в надежде найти отпечаток аммонита. После одного из таких ударов я почувствовал резкую боль и подумал, что это осколок камня попал мне в глаз. Набрав в легкие достаточно воздуха, я собрался объявить Нику, что он – нехороший человек. Ник вдруг коротко вскрикнул и кубарем скатился вниз мимо меня. Здоровым глазом я вдруг увидел целый рой ос, летящих прямо мне в лицо. Оказалось, что Ник задел молотком большое осиное гнездо, уютно висевшее на кусте. Прежде чем я успел последовать за Ником, несколько ос вонзили свои жала мне в лицо. С душераздирающим воплем Прометея, терзаемого орлом, я развернулся и покатился вниз за Ником. Я избавился от ос, но зато сильно исцарапался в колючем кустарнике.

На дороге мы осмотрелись. Ник почти не пострадал, и несколько красных пятен от укусов на его раскрасневшейся довольной физиономии были мало заметны. Зато глядя на меня, он с трудом сдерживал смех. Глаз полностью заплыл, а нижняя губа так распухла, что мешала ругаться.

Я приподнял распухшее веко и вставил спичку, как распорку, чтобы немного видеть глазом. Продолжать работу стало невозможно, и мы поплелись в лагерь. Он был абсолютно пустой, все уехали на море. Столовая, конечно, не работала, магазин тоже, а об ужине мы, естественно, не позаботились, не было даже хлеба.

Голодные и злые мы завалились на раскладушки. Я взял в руки гитару и запел подходящую для этого случая песню болотных геологов, которые восемнадцать дней голодные идут по болоту.

Опустились сумерки, в палатке стемнело. Ник поднялся, зажег лампу и сел за пустой деревянный стол.

– Слушай, – не выдержал он, – так жрать хочется – сил нет. Кажется, что съел бы даже нашу рулетку.

– А кто тебе мешает? Вон она в рюкзаке. Бери и ешь. Но пустую коробку сам будешь Нинель отдавать. А если она спросит, где лента, скажешь: «Очень кушать хотелось».

– Давай сходим в столовую, – предложил Ник, – может, от завтрака чего осталось или хлеба найдем?

– Держи карман шире, кладовка закрыта на замок.

– А мы в кухне поищем. Ну?

Делать все равно было нечего, и мы пошли в столовую. Приподняв брезент, завешивающий раздаточное окно, залезли в темную пустую кухню.

Я стал на ощупь обследовать кастрюли, но они были пустые и чистые. Ник полез в котел.

– Ура! – радостно закричал он. – Здесь на дне осталось что-то жидкое, неси ложки.

Ложек не было, и я дал ему поварешку.

– Что-то вроде макаронного супа, – определил Ник, пробуя, – но только не соленый.

Несоленую пищу я не любил и предложил:

– Я сейчас за солью сбегаю и фонарик принесу.

– И ложки захвати. Жалко, что холодный, – орудуя поварешкой, Ник громко хлебал суп.

От этих звуков у мен внутри мощно заурчало, как будто проснулся голодный дракон. Когда я вылезал через раздаточное окно, Ник крикнул вслед:

– Тут на дне вроде кусок мяса есть.

Упоминание о мясе удесятерило мою прыть. За одну минуту я сгонял за фонариком. Когда мы осветили темное чрево котла, все стало ясно. Пригоревшие макароны были залиты водой, чтобы отмокли. На самом дне под маслянистой пленкой лежала тряпка.

– Ну, что? Будешь солить или так доешь? – я протянул Нику соль.

Ник громко икнул, но промолчал.

– Хоть мясо съешь.

– Заткнись! – огрызнулся Ник.

Я не стал мешать Нику переваривать съеденное и с фонарем обследовал полки. На одной из них стояла полная миска холодных пригоревших макарон, которые соскребли со дна котла, прежде чем залить его водой.

Макароны были вполне съедобные. Ник есть не стал, но я все равно оставил ему половину. Ночью я слышал, как Ник в темноте торопливо пожирает холодные макароны без соли.